

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» Министерства образования и науки Российской Федерации, 199034, Санкт-Петербург

В статье рассмотрены попытки организации медицинского факультета при Петербургском-Петроградском университете накануне и в годы Первой мировой войны. Актуальность вопроса заключается в недостаточной изученности как этой страницы истории отечественной медицины и медицинского образования, так и истории развития отечественной медицины в период Первой мировой войны, столетний юбилей начала которой отмечается в этом году. На основании широкого спектра опубликованных и архивных источников авторы рассматривают предпосылки создания медицинского факультета в Петербурге-Петрограде, а также подробно воспроизводят споры вокруг его организации, позиции и аргументы как сторонников, так и противников. Указано на попытку проанализировать историю организации факультета в контексте существовавших отношений между профессорско-преподавательской корпорацией Петроградского университета и властью. Особое внимание уделено теме корпоративных устремлений профессуры, которые определяли модель ее поведения и, несмотря на все социально-политические изменения, не позволяли идти на компромисс с властью. Подобная модель поведения сохранялась и после Февральской революции, что стало причиной отказа от идеи организации медицинского факультета после свержения царизма.

Ключевые слова: история медицины; история медицинского образования в России; Первая мировая война; Петербургский-Петроградский университет; медицинский факультет Петербургского университета.

Для цитирования: Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015; 23 (5): 57—60.

Для корреспонденции: Ростовцев Евгений Анатольевич, eugene.rostovtsev@gmail.com

Rostovtsev E.A., Sidortchuk I.V.

THE CANCELED FACULTY: ON THE ISSUE OF ESTABLISHMENT OF MEDICAL FACULTY OF THE PETROGRAD UNIVERSITY DURING THE FIRST WORLD WAR

The St. Petersburg state university of Minobrnauki of Russia, 199034 St. Petersburg, Russia

The article considers history of attempts to organize medical faculty in the Petrograd university on the eve and during the First World War. The actuality of issue is in both insufficient investigation of this page of history of national medicine and medical education and history of development of national medicine in the period of the First World War which centenary is observed this year. On the basis of large spectrum of published and archive sources the article considers the prerequisites of organization of medical faculty in St. Petersburg-Petrograd. The discussions around its organization, positioning and augmentation of its supporters and opponents are called to mind. The attempt is cited concerning organization of faculty in context of existed relationship between professional and teaching staff corporation of the Petrograd university and authorities. The separate attention is paid to the issue of corporative aspiration of professorate which determined model of their behavior and in spite of all social politic alterations provide no permission to compromise with authorities. The similar behavior model continued and after the February Revolution and this became the cause of giving up the idea of organization of medical faculty after overthrow of czarism.

Key words: history of medicine; history of medical education in Russia; the First World War; St. Petersburg-Petrograd university; medical faculty of St. Petersburg university.

Citation: Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini. 2015; 23 (5): 57—60.

For correspondence: Rostovtsev E.A., eugene.rostovtsev@gmail.com

Received 16.04.14

Столетний юбилей начала Первой мировой войны стал важным поводом для специалистов обратиться к исследованию этих поистине трагических страниц нашей истории. Это особенно актуально потому, что в силу определенной политической конъюнктуры долгое время данная тема практически не освещалась в отечественных исследованиях и остается множество «белых пятен». К сожалению, одним из таких пятен является история развития медицинского образования в Петрограде в годы войны, до сих пор не получившая комплексного рассмотрения [1]. В частности, речь идет об истории организации медицинского факультета в Петроградском университете, являющейся весьма показательной в контексте как развития медицинского образования в России, так и проблем взаимоотношений науки и власти.

Как известно, начало войны было встречено патристическим подъемом практически во всех слоях общества, хотя антиправительственные настроения и конфликты определенных слоев общества с властью не всегда позволяли достигнуть подлинного единения сил в борьбе с противником. Такая ситуация сложи-

лась и в Петроградском университете, одном из ведущих научных центров страны, где профессура со времени устава 1884 г. стремилась к возврату университетской автономии. Намного более радикальной по отношению к правительству была позиция значительной части студенчества [2, с. 321—322].

Петроградский университет был одним из немногих в России, где не существовало медицинского факультета, хотя «идея создать медицинский факультет родилась еще у Петра Великого при создании самого университета» [3, с. 107]. В начале XX века эта идея приобрела новых сторонников, тем более что внешнеполитические события явно подталкивали к этому. Уже первые месяцы войны показали необходимость срочной подготовки квалифицированных медицинских кадров для фронта. В Петербурге одним из таких центров мог стать медицинский факультет, о желательности открытия которого уже в довоенное время велись дискуссии.

Первая мировая война быстро показала необходимость расширения подготовки врачей, недостаток которых на фронтах войны с каждым месяцем ощущался все сильнее. В Петрограде

врачей готовили в Военно-медицинской академии, Женском медицинском институте и в недавно созданном частном Психоневрологическом институте, но сил даже этих учреждений не хватало. В связи с этим вопрос об организации медицинского факультета стал активно обсуждаться в политических и научных кругах.

Практически сразу после начала войны ректор Петербургского университета, как и все его коллеги из других университетов, получил письмо из Министерства народного просвещения, в котором указывалось на необходимость получения помощи со стороны университетов в вопросе изготовления лекарств. Выполнение этой задачи для столичного университета было наиболее сложным, так как в связи с отсутствием медицинского факультета решение вопроса возлагалось на физико-математический факультет, а точнее на химическую лабораторию при нем, возможности которой были весьма ограничены [4, с. 82]. Не лишним будет заметить, что во многом благодаря войне положительно решился вопрос об образовании химического отделения университета. Через год, в 1915 г., была также образована химико-фармацевтическая группа. Одновременно ряд проектов, признанных нецелесообразными, не реализовывался. В частности, не получил развития, хотя в конечном счете все же был осуществлен, замысел одного из старейших профессоров университета ботаника Х.Я. Гоби, касающийся организации при факультете санитарно-бактериологических курсов [5: 7 (стб. 998)]. Идея ученого во многом была следствием стремления не только откликнуться на желания правительства, но и преодолеть зависимость русской науки от Германии, что особенно чувствовалось в естественных дисциплинах и медицине. Об этом, в частности, после начала войны объявил гистолог и эмбриолог А.С. Догель.

Помощь фронту со стороны профессоров университета не ограничивалась предложением различных организаторских проектов. Так, профессором физико-математического факультета, в частности Н.В. Насонов, В.И. Палладин, А.С. Фаминцын, А.А. Яковкин, А.Е. Фаворский, В.Е. Тищенко, принимали активнейшее участие в создании и организации работы Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), созданной Академией наук. В зданиях университета был размещен один из запасных полков и открыто несколько госпиталей. Университетская корпорация постановила отчислять 3% жалования в пользу лазарета высших учебных заведений [6, с. 5]. Ряд студентов университета отправился на фронт санитарями. Управлением созданных в стенах университета госпиталей помогали заниматься жены преподавателей [7, с. 91—93].

Одновременно профессорская корпорация нередко пыталась связать с потребностями войны свои корпоративные устремления, надеясь воспользоваться моментом для реализации своих интересов. Прежде всего речь шла о расширении «университетской автономии», возможности отстаивания своих корпоративных интересов перед властью, поддержке и финансировании проектов. Например, весной 1915 г. группа столичных профессоров, включая университетских, обратилась в Министерство народного просвещения с запиской, в которой указывала на желательность «освободить наших молодых ученых от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах». Для этого, в частности, необходимо было учредить в Петрограде 4 новых научных журнала по гистологии, бактериологии, зоологии и ботанике [8: 6 (стб. 424)], а впоследствии и по физиологии [9: 8 (стб. 375)]. В связи с этим достаточно сложным оказалось определить истинные размеры и значение помощи университета фронту, так и отделить реальный масштаб работы профессуры на победу от демонстрации патриотической активности. В частности, ряд сотрудников университета участвовал в деятельности Особого совещания по обороне, центрального аппарата Военно-промышленного комитета, однако практической пользы от подобных организаций было немного, скорее речь шла о моральной поддержке и организаторской помощи.

Причины подобного поведения профессуры, не всегда с готовностью откликавшейся на пожелания власти, даже в условиях Первой мировой войны крылись как в некоторой оппозиционности царскому правительству, так и в устоявшихся представлениях об университете как о своеобразной башне из «слоновой кости». Этот образ наиболее четко сформулировал последний дореволюционный ректор Э.Д. Гримм. В частности, он полагал, что цель университета состоит в том, чтобы «осуществлять свое высокое научное назначение, не отдавая дань ни задаче образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни

было не научным целям» [10]. В связи с этим практическая реализация проектов, разработанных властью, фактически всегда воспринималась профессурой как попытка навязать свою волю, как явное покушение на собственную свободу. Наука в представлении корпорации носила наднациональный характер. Показательно, что призыв А.С. Догеля о начале эры автономии русской науки от немецкого влияния был весьма негативно воспринят многими коллегами.

Министерство народного просвещения, в ведомстве которого находился университет, в свою очередь не хотело идти на конфликт с профессурой, поэтому по мере возможности выражало сочувствие хорошо аргументированным предложениям профессуры, но до их комплексной поддержки дело доходило редко. Университет, согласно представлениям профессуры, должен был соответствовать «гумбольдтовскому идеалу» (как он понимался в России) с высоким уровнем автономии и статуса профессорско-преподавательской корпорации, что было характерно для университетов Германии [11, с. 308]. Университет позиционировал себя как центр решения действительно глобальных задач просвещения и науки.

Эти представления повлияли и на решение одного из острых вопросов в истории университета периода Первой мировой войны — учреждения медицинского факультета. Еще до начала войны, в 1913 г., на заседании Петербургской городской думы гласный А.Г. Фальброк возбудил ходатайство об организации медицинского факультета или расширении Петроградского женского медицинского института [12, с. 1055]. Далее дело рассматривалось комиссией «о пользах и нуждах общественных», которая в итоге пришла к выводу о необходимости организации медицинского факультета. Однако представители физико-математического факультета выступили против этого плана, впрочем, не представив обоснованных контраргументов и ограничившись констатацией «печального состояния» уже существующих естественно-научных учреждений университета. Для положительного решения вопроса комиссия составила представление в министерство, согласно которому предполагалось выделение средств для физико-математического и нового медицинского факультетов на постройку зданий и лабораторий. Смета проекта составила 11 млн руб. Основная часть расходов должна была лечь на правительство, город готов был выделить за свой счет участок земли [13]. Проект не встретил принципиальных возражений в Министерстве народного просвещения, получил положительное заключение Государственной думы (авторы проекта аргументировали необходимость организации факультета недостаточностью получения высшего медицинского образования для ряда учащихся и военизации Военно-медицинской академии, «расстройстве ее нормальной жизни [14, с. 1—2]), однако университет все равно его отверг.

Дело об образовании медицинского факультета вновь стало активно обсуждаться с начала войны. Острая кадровая ситуация не только вынуждала правительство идти на уступки медицинским заведениям и расширять их деятельность (в частности, это заставляло мириться с частным Психоневрологическим институтом, преподавательская корпорация которого была оппозиционной по отношению к власти). В августе 1915 г. министерство подготовило циркуляр об ускоренной подготовке врачей. Кадровый голод ощущался настолько сильно, что в число «вольнотружателей университета» на медицинские факультеты с 1915 г. стали без ограничений допускаться евреи, что фактически отменяло процентную норму для них [15: 5—6 (стб. 832—833)]. Весной 1916 г. было принято решение о сокращении срока получения высшего медицинского образования до 4 лет и проведении государственных экзаменов для студентов медицинских вузов по сокращенному числу предметов [16, с. 23]. В 1916 г. Петроградский Женский медицинский институт получил право присуждать ученые степени и звания лицам мужского пола, а с 1917 г. начал прием студентов-мужчин [16, с. 16]. Разумеется, в таких обстоятельствах министерство продолжало оказывать давление и на Петроградский университет.

Тем не менее профессура вновь заняла твердую позицию, полагая, что «включение в цикл преподаваемых в университете дисциплин предметов узкопрактического характера, вхождение в состав Университета большого числа профессоров-клиницистов, т. е. представителей чисто практических профессиональных знаний и т. п. — все это не может не нарушить научной жизни и духа университета». К этому времени правительство

уже отошло от практики жесткой политики в отношении университетов, как это было во времена Л.А. Кассо. Министр народного просвещения П.Н. Игнатъев (1915—1916 гг.) работал над проектом создания нового, более либерального университетского устава [17], что не позволяло ему прямо навязать новый факультет. В итоге он решил пойти в обход, воспользовавшись организацией летом 1916 г. Пермского отделения Петроградского университета, которое впоследствии должно было стать самостоятельным университетом. Этот процесс сопровождался одновременным формированием в Перми и Петрограде сроком на 4 семестра так называемой «медицинской группы» физико-математического факультета. Официально декларировалось, что ее выпускники должны быть переведены по окончании курса на медицинские факультеты других университетов. Таким образом, министерство как бы подводило университет к мысли о необходимости смириться с организацией в перспективе полноценного медицинского факультета.

Реализации этих планов помешали как бурные политические события 1917 г., так и по-прежнему жесткая позиция профессуры. В частности, особенно ярким противником создания факультета выступил известный математик, академик В.А. Стеклов. Таким образом, до революции вопрос о создании медицинского факультета так и не был решен.

Временное правительство вернулось к этому вопросу в мае 1917 г. Правительственная комиссия по реформе высшей школы высказалась в пользу необходимости создания медицинского факультета. Однако даже в условиях новой власти, имевшей полное право рассчитывать на симпатии со стороны либеральной профессуры, университет не стремился соглашаться. Совет университета одобрил организацию факультета, однако выдвинул условие о его разделении на терапевтическую часть (в университете) и клиническую, организованную отдельно от университета. По сути это лишало создание факультета всякого смысла. Таким образом, на этом этапе университетская профессура занимала выжидательную позицию, полагая, что и без решительных возражений можно будет избежать навязываемого проекта. Так, на заседании по реформе высшей школы представитель университета А.А. Иванов отдал инициативу представителям Психоневрологического института В.М. Бехтереву и Женского медицинского института Б.В. Верховскому. Именно они выступили резко против идеи городской думы об организации факультета, доказывая, что их учреждения способны принимать еще по 500 студентов ежегодно, т. е. больше, чем планируемый прием на факультет. Таким образом, факультет оказался бы дорогим и абсолютно ненужным проектом.

Пришедшие к власти большевики отказались от идеи создания медицинского факультета на базе университета, переименованного в 1-й Петроградский университет. В уже самостоятельном Пермском университете функционировало медицинское отделение, на котором обучалось более 40% всех студентов. Различные медицинские центры были созданы на базе 2-го Петроградского университета, бывшего Психоневрологического института. Лишь в 1994 г. была одобрена концепция медицинского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, а открытие состоялось в следующем году — 1 сентября 1995 г.

История с попыткой создания медицинского факультета в Петроградском университете в условиях Первой мировой войны ярко отражает ту непростую ситуацию, которая сложилась в России накануне падения самодержавия, кризиса во взаимоотношениях власти и высшей школы. Настойчивые требования правительства даже в такой непростой ситуации наталкивались на противодействие со стороны профессуры, не желавшей жертвовать своими интересами ради выполнения конкретного социального заказа. Одновременно указывает на высочайший статус профессуры, способной давать отпор власти и последовательно отстаивать свои интересы. Однако подобная стратегия сохранения независимости университета успешно работала лишь при слабых и осторожных царском и Временном правительствах. После октября 1917 г. профессура, находясь под угрозой прекращения финансирования и репрессий, была вынуждена от нее отказаться.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ "Петроградский университет в период Первой мировой войны" (проект № 15-01-00285).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В., Кривоноженко А.Ф., Баринов Д.А. Академическая корпорация столичного университета (1884—1917) в фокусе историографии. *Клио*. 2012; 7: 47—62.
2. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны. *Диалог со временем*. 2009; 29: 308—24.
3. Журавский Д.А. Университетское медицинское образование: история и современность. *Бюллетень Федерального центра сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова*. 2012; Апрель: 106—9.
4. Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года. В кн.: *Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г.* Пг., 1916: 76—89.
5. Школа и война. В высшей школе. *Школа и жизнь*. 1914; 38, 22 сентября.
6. *Новое Время*. 1914; 6 (19) августа: 5.
7. Отношение к настоящей войне. В кн.: *Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914 г.* Пг., 1915: 90—3.
8. Высшая школа. *Школа и жизнь*. 1915; 17, 27 апреля.
9. *Школа и жизнь*. 1916; 15, 13 апреля.
10. Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава. *Русская мысль*. 1916; 4: 109—22; 5: 52—7.
11. Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны). В кн.: *Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930—1996)* / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012: 308—24.
12. Журнал заседания Петербургской Городской Думы. Заседание 6 марта 1913 г. *Известия С.-Петербургской городской думы*. 1913; т. 190: 24.
13. Журнал заседания Петербургской Городской Думы. Заседание 21 марта 1913 г. *Известия С.-Петербургской городской думы*. 1914; т. 194: 22.
14. Законодательное предложение об учреждении при Императорском С.-Петербургском университете медицинского факультета от 15 марта 1913 г. № 214. В кн.: *Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Вып. 2: (№ 151—270)/четвертый созыв, 1912—1913 гг., сессия первая*. СПб.; 1913: 21—30.
15. Высшая школа. *Школа и жизнь*. 1915; 34, 24 августа.
16. Купайгородская А.П. *Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти*. Л.: Наука; 1984.
17. *Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов*. Пг.; 1916.

Поступила 16.04.14

REFERENCES

1. Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V., Krivonozhenko A.F., Barinov D.A. Academic Corporation of Metropolitan University (1884—1917) in the focus of the historiography. *Klio*. 2012; 7: 47—62.
2. Rostovtsev E.A. *Dialog so vremenem*. 2009; 29: 308—24. (in Russian)
3. Zhuravskiy D.A. University medical education: history and nuclernity. *Byulleten' Federal'nogo Tsentra serdca, krovi i endokrinologii im. V.A. Almazova*. 2012. April': 106—9. (in Russian)
4. The minutes of the meeting of the council of the Petrograd Imperial University [*Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta za 1914 g.*]. Pg.; 1916: 76—89.(in Russian)
5. School and war. At the high school. *Shkola i zhizn'*. 1914; 38, 22 sentyabrya.
6. *Novoe vremya*. 1914; 6 (19) avgusta: 5. (in Russian)
7. A report on the status and activities of the Petrograd University in 1914 [*Otchet o sostoyanii i deiatel'nosti Petrogradskogo universiteta za 1914 g.*]. Pg.; 1915: 90—3. (in Russian)
8. Graduate education. *Shkola i zhizn'*. 1915; 17, 27 aprelya. (in Russian)
9. *Shkola i zhizn'*. 1916; 15, 13 aprelya. (in Russian)
10. Grimm E.D. Organization of the University teaching project of the new charter. *Russkaya mysl'*. 1916; 4: 109—22; 5: 52—7. (in Russian)
11. Rostovtsev E.A. In.: History lessons — the lessons of the historian [*Uroki istorii — uroki istorika*. Sost. T.N. Zhukovskaya, ed. A.Yu. Dvornichenko. St. Petersburg; 2012: 308—24. (in Russian)
12. The journal of the meeting of the St. Petersburg City Duma. Meeting of March 6, 1913. *Izvestiya S.-Peterburgskoy gorodskoj dumy*. 1913; т. 190: 24. (in Russian)
13. The journal of the meeting of the St. Petersburg City Duma. Meeting of March 6, 1913. *Zhurnal zasedaniya Peterburgskoj Gorodskoj Dumy. Zasedanie 21 marta 1913 g. Izvestiya S.-Peterburgskoy gorodskoy dumy*. 1914; т. 194: 22. (in Russian)
14. In: *Application to verbatim reports of the State Duma [Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy dumy*. Вып. 2:

- (№№ 151—270) / chetvertyy sozyv, 1912—1913 gg., sessiya pervaya. St. Petersburg; 1913: 21—30. (in Russian)
15. Graduate education. *Shkola i zhizn'*. 1915; 1915; 34. 24 avgusta. (in Russian)
16. Kupaygorodskaya A.P. *Graduate school of Leningrad during the first years of Soviet power [Vysshaya shkola Leningrada v pervye*

- gody Sovetskoy vlasti]*. Leningrad: Nauka; 1984. (in Russian)
17. About the publication of the General Statute and States of the Umperial Russian universities [*Ob izdanii obshhego ustava i shtatov Imperatorskikh rossijskikh universitetov*]. Pg.; 1916. (in Russian)

© Шерстнева Е.В., 2015
УДК 613.816:93]:92 Дейчман

Шерстнева Е.В.

ЭММАНУИЛ ИСААКОВИЧ ДЕЙЧМАН (1889—1967) — ОДИН ИЗ ЛИДЕРОВ АНТИАЛКОГОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 20-х ГОДОВ В СССР

ФГБУ "Национальный НИИ общественного здоровья", 105064, Москва, Россия

В статье впервые представлена биография одного из лидеров антиалкогольного движения Э.И. Дейчмана, конкретизирован его вклад в борьбу с пьянством и алкоголизмом в 20-е годы XX века.

Ключевые слова: *Эммануил Исаакович Дейчман; борьба с алкоголизмом в СССР; Общество борьбы с алкоголизмом.*

Для цитирования: Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015; 5: 60—62.

Для корреспонденции: Шерстнева Елена Владимировна, otdelistorii@rambler.ru

Sherstnieva E.V.

EMMANUIL ISAAKOVICH DEICHMAN (1889-1967) AS ONE OF LEADERS OF ANTI-ALCOHOLIC MOVEMENT OF THE 1920S IN THE USSR: TO ONE HUNDRED TWENTY-FIFTH ANNIVERSARY

The N.A. Semashko national research institute of public health, 105064 Moscow, Russia

The article presents for the first time the biography of E.I. Deichman, one of leaders of anti-alcoholic movement. The input of E.I. Deichman into struggle with drunkenness and alcoholism in the 1920s is concertized.

Keywords: *Emmanuil Isaakovich Deichman; struggle; alcoholism; the USSR; society of struggle with alcoholism*

For citation: Problemi socialnoii gigieni, zdravoochranenia i istorii medicini. 2015; 5: 60—62.

For correspondence: Sherstnieva E.V., otdelistorii@rambler.ru

Received 16.04.14

Нет, пожалуй, ни одного исследования, касающегося истории борьбы с алкоголизмом в СССР, в котором не упоминалось бы имя Эммануила Исааковича Дейчмана. При этом личный вклад известного социал-гигиениста в антиалкогольную борьбу и развитие трезвеннического движения конца 20-х годов XX века до сих пор не конкретизирован, а биография этого человека и вовсе оставалась "за кадром". В текущем году исполняется 125 лет со дня его рождения, что дает повод восполнить этот пробел. Такую возможность предоставляет, в частности, обнаруженное в архиве Национального НИИ общественного здоровья РАМН личное дело Э.И. Дейчмана, являвшегося в последние годы жизни сотрудником этого учреждения.

Согласно записи в личном деле, Эммануил Исаакович Дейчман родился 12 февраля 1889 г. в Ново-Ушицком уезде Подольской губернии. Он происходил из мещан, родители его содержали конную почту. С детства он проявлял способности к учебе: в 1909 г. окончил Каменец-Подольскую гимназию с серебряной медалью. В том же году поступил, а в 1914 г. окончил медицинский факультет Киевского университета, был выпущен в качестве зауряд-врача 1-го разряда и мобилизован в Армию. В годы Первой мировой войны он работал на Юго-Западном фронте (1914—1917), во Львовском холерном госпитале и Карской крепостной артиллерии. Затем был участковым врачом в селе Вербовцы на Украине (1918—1919). В 1919 г. он вступил в ряды Красной Армии и до 1921 г. являлся начальником санитарной службы Киевского военного округа. После окончания гражданской войны работал заведующим губздравотделами Волыни и Донбасса (1921—1925), а в 1925 г. был назначен на должность заместителя народного комиссара Наркомздрава УССР. В 1926 г. Эммануил Исаакович прибыл в Москву и поступил на работу в Государственный институт социальной гигиены Наркомздрава РСФСР на должность научного сотрудника.

Приход Э.И. Дейчмана в институт совпал по времени с моментом, когда на это учреждение была возложена разработка научных подходов к решению такой сложной медико-социальной проблемы, как алкоголизм. Актуальность ее возросла в связи с

разрешением в 1925 г. свободной продажи спиртного и введением государственной винной монополии. Эти меры позиционировались правительством как временные и объяснялись необходимостью пополнения бюджета для нужд индустриализации, а также потребностью в искоренении самогонарения. Однако результатом их стало и резко возросшее потребление спиртных напитков со всеми печальными последствиями. В 1926 г. при Государственном институте социальной гигиены, возглавляемом А.В. Мольковым, был создан кабинет по изучению алкоголизма, руководителем которого был назначен Э.И. Дейчман. Сотрудники кабинета рассматривали алкоголизм как сложное явление, определяемое социально-экономическими, бытовыми, медико-биологическими факторами. Ими были разработаны методические подходы, подробный план и программа изучения алкоголизма. Наряду с изучением проблемы в масштабе всей страны, которое проводилось с применением так называемого корреспондентского метода (путем рассылки в города, районы, республики "Программы вопросов для собирания сведений о потреблении алкогольных напитков"), было проведено исследование с использованием анонимного анкетирования на уровне различных групп населения: рабочих, крестьян, женщин, детей, красноармейцев. Изучение распространения алкоголизма среди рабочих было проведено на предприятиях восьми крупных промышленных центров РСФСР. На основании этих материалов Э.И. Дейчманом были подготовлены статьи "Об изучении влияния алкоголя на здоровье населения" и "Статистические данные об алкоголизме в нашей стране", помещенные в сборнике "Алкоголизм" (1927).

Большую ценность представляло изучение вопроса об употреблении спиртного детьми. В 1926 г. по предложенной Э.И. Дейчманом методике и программе было проведено обследование детей младшей группы одной из экспериментальных школ Хамовнического района Москвы (300 человек). В ходе обследования школьников Э.И. Дейчманом были установлены удручающие факты: только 11,8% всех обследованных детей не знали вкуса спиртных напитков, около 10% употребляли их ежедневно. Обследование показало, что употребление алкоголя